

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «Р. ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 11916/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

26 января 2016 г.

Данное решение станет окончательным при обстоятельствах, указанных в пункте 2 Статьи 44 Конвенции. Данное решение может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Р. против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Луиса Лопеса Герра, *Председателя*

Хелены Ядерблом

Хелены Келлер

Иоганнеса Силвис

Дмитрия Дедова

Бранко Любарда

Пере Пастора Вилановы, *судей*

а также Стивена Филлипса, *Секретаря Секции*

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 5 января 2016 года вынес в этот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано по жалобе (№11916/15) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Кыргызстана, г-ном Р. (далее - заявитель) 10 марта 2015 года.

2. Заявителя представляла г-жа Н. Ермолаева, адвокат, практикующий в Москве. Правительство Российской Федерации (далее - Правительство) представлял г-н Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его высылка в Кыргызстан была бы нарушением Статьи 3 Конвенции, что он подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников российских правоохранительных органов, запрещенному вышеупомянутой статьей Конвенции, а также, что его содержание под стражей в ожидании высылки осуществлялось в нарушение Статьи 5 Конвенции.

4. 10 марта 2015 года исполняющий обязанности Председателя Первой секции принял решение применить Правило 39 Регламента Суда, указав Правительству, что заявитель не должен подвергаться высылке или иному принудительному выдворению из России в Кыргызстан до последующего уведомления, а также применить Правило 41 Регламента Суда для рассмотрения жалобы в приоритетном порядке.

5. 13 мая 2015 года о жалобе было уведомлено Правительство. Кроме того, 5 января 2016 года Было принято решение обеспечить *официальную* анонимность заявителя согласно пункту 4 Правила 47 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1991 году. В настоящее время он содержится в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан в Москве.

A. Основные события

7. Заявитель является этническим узбеком, который жил в Джалал-Абадской области в Кыргызстане. В июне 2010 года в этой области происходили массовые беспорядки и межэтнические столкновения между узбеками и киргизами.

8. В июне 2010 года заявитель присутствовал на баррикадах, возведенных этническими узбеками рядом с селом Сузак. 12 июня 2010 года он получил тяжелые ожоги от «коктейля Молотова» и был госпитализирован. Его выписали из больницы 24 июня 2010 года.

9. Впоследствии заявитель бежал из Кыргызстана в Россию вместе со многими другими этническими узбеками, чтобы не стать жертвой насилия на этнической почве.

10. В 2012 году власти Кыргызстана открыли против заявителя уголовное дело, обвинив его в ряде насильственных преступлений, якобы совершенных им в ходе беспорядков в июне 2010 года. 26 июня 2012 года Сузакский районный суд Джалал-Абадской области *заочно* вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

B. Арест заявителя и последующее разбирательство

1. Заключение заявителя под стражу и рассмотрение вопроса о высылке

11. 27 января 2015 года заявитель был задержан в Москве, так как не имел при себе документов, удостоверяющих его личность. Он был помещен в Специальное учреждение временного содержания иностранных граждан в Москве («изолятор временного содержания для иностранцев») под управлением Федеральной миграционной службы России («ФМС»).

12. 28 января 2015 года Гагаринский районный суд города Москвы («районный суд») признал заявителя виновным в административном правонарушении, предусмотренном пунктом 3 Статьи 18.8 («нарушение иностранными гражданами правил въезда или режима пребывания в Москве, Санкт-Петербурге, Московской области и Ленинградской области») Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях («КоАП РФ»), и вынес ему следующий приговор: «[...] наказание в форме административного штрафа в размере 5 000 российских рублей (RUB) [в сочетании] с административным выдворением и помещением в изолятор временного содержания для иностранных граждан [где он должен находиться] до вступления в силу этого решения и до административного выдворения из Российской Федерации в соответствии со Статьей 32.10 Кодекса об административных правонарушениях».

13. 4 февраля 2015 года заявитель подал апелляцию на решение районного суда, утверждая, что в Кыргызстане он подвергнется жестокому обращению, как и многие другие этнические узбеки. По всей видимости, апелляционная документация была доставлена в районный суд 12 февраля 2015 года. Рассмотрение апелляции было назначено на 10 марта 2015 года, но затем перенесено на 20 марта 2015 года.

14. 10 марта 2015 года Суд удовлетворил ходатайство заявителя об обеспечительных мерах и указал Правительству на то, что заявителя не следует высылать или иным образом принудительно выдворять из России в Кыргызстан или в другую страну в течение периода рассмотрения дела Судом.

15. 12 марта 2015 года сотрудники изолятора временного содержания для иностранцев сообщили родственникам заявителя, что он будет выслан из России в этот день. Примерно в 20.30 заявитель связался со своим адвокатом, сообщив, что он находится в аэропорту Шереметьево в Москве. В 21.30 адвокат прибыл в аэропорт, и сотрудники службы пограничного контроля сообщили ему, что заявитель не поднялся на борт самолета, направлявшегося в г. Бишкек в Кыргызстане. Сотрудники государственной исполнительной службы сообщили адвокату, что заявителя доставили в аэропорт Шереметьево, но потом вернули в изолятор временного содержания для иностранцев. В 22.00 дежурный сотрудник изолятора временного содержания подтвердил адвокату, что заявитель вернулся в учреждение.

16. 20 марта 2015 года Московский городской суд («Апелляционный суд») при рассмотрении апелляционной жалобы оставил в силе решение районного суда от 28 января 2015 года. Апелляционный суд отклонил утверждения заявителя об опасности жестокого обращения, установив, что «документы, представленные защитой [заявителя], не доказывают нарушение прав и свобод соответствующего лица», а также указал, что «оценка как действий правоохранительных органов иностранного государства, так и вынесенных ими [правовых] актов, выходит за рамки предметной юрисдикции суда, рассматривающего дело об административном правонарушении, совершенном иностранным гражданином на территории Российской Федерации».

17. 10 апреля 2015 года Правительство сообщило Суду, что «рассмотрение вопроса об административном выдворении заявителя приостановлено», и что заявитель «по-прежнему содержится в учреждении временного содержания иностранных граждан московского отделения Федеральной миграционной службы» («ФМС Москвы»).

2. Ходатайство о предоставлении статуса беженца

18. 4 февраля 2015 года заявитель подал ходатайство о предоставлении убежища, утверждая, что в Кыргызстане он подвергнется преследованию по причине его этнического происхождения.

19. 12 марта 2015 г. ФМС Москвы отказало заявителю в его прошении о предоставлении статуса беженца. Стороны не предоставили Суду копию этого решения.

20. Заявитель подал жалобу на это решение в Басманный районный суд города Москвы. Жалоба еще находится на рассмотрении.

С. Предполагаемое жестокое обращение по отношению к заявителю и последующие события

21. По словам заявителя, 24 февраля 2015 года он был жестоко избит сотрудниками специального отряда полиции в изоляторе временного содержания для иностранцев. Ему нанесли удары резиновыми дубинками по спине, ягодицам и пяткам.

22. Заявитель сообщил об этом своему адвокату и предоставил фотографии своей травмированной спины, сделанные с помощью мобильного телефона.

23. 25 февраля 2015 года два адвоката посетили заявителя, а также нескольких других лиц, ожидающих высылки в изоляторе временного содержания для иностранцев. Заявитель и другие задержанные, содержащиеся в изоляторе, сообщили им о регулярных избиениях задержанных лиц, которые начались 17 февраля 2015 года после неудавшихся попыток самоубийства со стороны нескольких содержащихся в учреждении лиц. Заявитель утверждал, что сотрудники специального отряда полиции избили его 24 февраля 2015 года, нанося удары резиновыми дубинками по спине, пяткам и ягодицам.

24. 26 февраля 2015 года адвокаты сообщили об избиениях в Главное следственное управление Следственного комитета Москвы. Они подчеркнули, что медицинский персонал изолятора временного содержания отказался зафиксировать травмы заключенных в журналах медицинских осмотров. Адвокаты попросили провести расследование случаев избиения

заклученных, включая заявителя. В поддержку своей просьбы они приложили, среди прочего, фотографии заявителя, показывающие травмы на его спине.

25. 19 марта 2015 года жалоба адвокатов была передана в следственный отдел Троицкого округа Следственного комитета Москвы.

26. Очевидно, что расследование предполагаемых избиений заявителя в изоляторе временного содержания для иностранцев начато не было.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ

А. Кодекс об административных правонарушениях («КоАП»)

27. Согласно пункту 1 (7) Статьи 3.2 «административное выдворение» представляет собой меру административного наказания. В пункте 1 Статьи 3.10 административное выдворение определяется как принудительное и контролируемое перемещение иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы Российской Федерации. Согласно пункту 2 Статьи 3.10 административное выдворение назначается судьей или - в случаях совершения иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения при въезде в Российскую Федерацию - соответствующим должностным лицом. Согласно пункту 5 Статьи 3.10 в целях исполнения решения о применении административного выдворения, судья вправе назначить иностранному гражданину содержание в специальном учреждении.

28. Статьей 3.9 предусмотрено, что лицо, совершившее административное правонарушение, может быть подвергнуто наказанию в виде «административного ареста» (содержания под стражей) лишь в исключительных случаях и максимально на срок до тридцати дней.

29. Согласно пунктам 1, 1.1 и 2 Статьи 18.8 нарушение иностранным гражданином режима пребывания в Российской Федерации, выразившееся, в том числе, в пребывании на территории Государства без соответствующего действительного разрешения или в несоблюдении установленного порядка регистрации, влечет наложение административного штрафа в размере от 2 000 до 5 000 рублей с применением административного выдворения или без такового. Согласно пункту 3 Статьи 18.8 административные правонарушения, предусмотренные пунктами 1, 1.1 и 2 Статьи 18.8, совершенные в городе Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской области, влекут наложение административного штрафа в размере от 5 000 до 7 000 рублей и автоматическое применение административного выдворения.

30. Пункт 3 Статьи 23.1 предусматривает, что дела об административных правонарушениях, которые могут повлечь выдворение за пределы Российской Федерации, рассматриваются судьей суда общей юрисдикции. Глава 30 КоАП содержит положения о пересмотре решений по делам об административных правонарушениях. Пункт 1 Статьи 30.1 гарантирует право обжалования решения по делу об административном правонарушении в суде, который его вынес, или в вышестоящем суде. Статья 30.9 содержит положения, регулирующие обжалование таких решений, принятых административным органом или судом первой инстанции. Статья 30.10 дает прокурору право добиваться пересмотра решения по делу об административном правонарушении. Статья 30.11. утратила силу в 2008 году Статья 30.12 предусматривает возможность обжалования вступивших в законную силу решений судов первой инстанции и решений по результатам рассмотрения жалоб, в том числе, лицом, в отношении которого они приняты, или его адвокатом. Право обжалования принадлежит также областному прокурору или его заместителю, Генеральному прокурору или его заместителю и должностному лицу, которое передало дело об административном правонарушении в суд для проведения судебного разбирательства.

31. В соответствии с пунктом 2 Статьи 27.5 лицо, в отношении которого проводятся административные разбирательства в связи с нарушением правил пребывания на территории

Российской Федерации, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более сорока восьми часов.

32. Согласно Статье 27.19, иностранный гражданин, подлежащий административному выдворению, помещается либо в изолятор временного содержания для иностранцев, либо в специально отведенное для этого помещение пограничных органов до принудительного выдворения за пределы государства.

33. В соответствии со Статьей 31.1 решение по административному правонарушению вступает в силу после истечения срока, установленного для обжалования. Решения, не подлежащие обжалованию, вступают в силу незамедлительно.

34. В соответствии с пунктом 1 Статьи 31.9 решение о назначении административного наказания не подлежит исполнению по истечении двух лет со дня его вступления в силу. В соответствии с пунктом 2 Статьи 31.9 течение срока давности, предусмотренного пунктом 1 Статьи 31.9, прерывается в случае уклонения лица, привлеченного к административной ответственности, от его исполнения.

В. Кодекс административного судопроизводства

35. 15 сентября 2015 года вступил в силу новый Кодекс административного судопроизводства (Закон № 21-ФЗ от 8 марта 2015 г.). Глава 28 регулирует производство по делам о помещении в специальные учреждения иностранных граждан, подлежащих депортации или реадмиссии, и о продлении срока их содержания в таких учреждениях. Пункт 2 Статьи 269 требует от судов, принимающих решения о помещении иностранных граждан в специальные учреждения, устанавливать «обоснованный срок» и объяснять продолжительность содержания в таких учреждениях; кроме того, в резолютивной части должен быть указан «конкретный срок содержания» в специальном учреждении.

С. Соответствующая судебная практика Конституционного Суда

36. В Постановлении №6-Р от 17 февраля 1998 года Конституционный Суд установил, ссылаясь на статью 22 Конституции РФ, что лицо, подлежащее административному выдворению, может быть заключено под стражу без распоряжения суда на срок не более сорока восьми часов. Заключение под стражу на срок более сорока восьми часов разрешено только на основании распоряжения суда и при условии, что административное выдворение не может быть осуществлено в ином порядке. Распоряжение суда необходимо для гарантии защиты не только от произвольного заключения под стражу на срок свыше сорока восьми часов, но также от произвольного заключения под стражу как такового, при этом суд оценивает законность и основания заключения лица под стражу. Конституционный Суд также отметил, что заключение под стражу на неопределенный срок привело бы к недопустимому ограничению права на свободу, так как представляло бы собой наказание, не предусмотренное российским законодательством и противоречащее Конституции РФ.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ КЫРГЫЗСТАНА

37. Ряд соответствующих отчетов и более подробная информация имеются в делах «Махмуджан Эргашев против России» (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*) (№ 49747/11, пункты 30-46, 16 октября 2012 г.) и «Кадиржанов и Мамашев против России» (*Kadirzhanov and Mamashev v. Russia*) (№№ 42351/13 и 47823/13, пункты 72-77, 17 июля 2014 г.).

38. В посвященной Кыргызстану главе «Доклада «Эмнести Интернэшнл» 2014/2015: Права человека в современном мире» применительно к данному делу изложено следующее:

«Власти не предпринимали эффективных мер в ответ на сообщения о пытках и других формах жестокого обращения и не прилагали усилий для привлечения виновных к ответственности. Не проводилось беспристрастного и эффективного расследования нарушений прав человека, в том числе преступлений против человечности, совершенных во время беспорядков в июне 2010 года и после их окончания. Парламентарии внесли на рассмотрение законопроект, который, в случае его принятия, окажет негативное влияние на гражданское общество. Узник совести Азимджан Аскарлов остается в заключении.

ПЫТКИ И ДРУГИЕ ФОРМЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Несмотря на функционирование программы независимого мониторинга мест лишения свободы и создание Национального центра по предупреждению пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, в стране продолжили применять пытки и другие виды жестокого обращения. Двадцатого декабря 2013 года Комитет ООН против пыток опубликовал заключение по второму периодическому докладу по Кыргызстану. Комитет выразил глубокое беспокойство «по поводу продолжающейся распространенной практики применения пыток и других форм жестокого обращения в отношении лиц, лишенных свободы, в частности во время содержания под стражей в полиции для получения признаний». Двадцать третьего апреля 2014 года Комитет ООН по правам человека рассмотрел второй периодический доклад по Кыргызской Республике.

Оба комитета отмечают неспособность властей оперативно, беспристрастно и всесторонне расследовать сообщения о пытках и других формах жестокого обращения и привлечь виновных к суду. Они выразили обеспокоенность в отношении отсутствия полноценного и эффективного расследования беспорядков, произошедших в июне 2010 года. Комитеты призвали Кыргызстан отреагировать на вызывающие обеспокоенность вопросы и немедленно принять эффективные меры по предотвращению пыток и других форм жестокого обращения, преодолению безнаказанности, привлечению к уголовной ответственности виновных и проведению расследований по всем случаям сообщений о пытках и других формах жестокого обращения, в том числе - по случаям насилия, связанным с событиями в июне 2010 года.

Шестнадцатого июня 2014 года в г. Джалал-Абаде региональная правозащитная организация «Справедливость» зафиксировала два случая применения пыток во время мониторинга Джалал-Абадского изолятора временного содержания. Практикующий врач, входивший в группу, проводившую мониторинг, зафиксировал следы пыток. Один заключенный заявил, что сотрудники полиции избивали его руками, кулаками, книгой, надевали ему на голову пластиковый пакет. После этого он был прикован наручниками к батарее до следующего дня. В результате жестокого обращения он получил сотрясение мозга. Другой заключенный заявил, что сотрудники полиции били его по горлу, пинали его ногами в живот, били книгой по голове. «Справедливость» направила жалобы городскому прокурору г. Джалал-Абад. После проведения первичной проверки и назначения двух судебно-медицинских освидетельствований городской прокурор тем не менее отказался возбуждать уголовное дело по этим заявлениям.

В 2014 году Европейский суд по правам человека принял три решения не в пользу России, в которых заявил, что в случае экстрадиции в Киргизию заявители (этнические узбеки) подвергнутся опасности пыток и других форм жестокого обращения.

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ

Уголовные расследования заявлений о пытках проводились крайне редко. В первой половине 2014 года Генеральная прокуратура зарегистрировала 109 жалоб, но только в 9 случаях было начато уголовное расследование, и только три дела дошли до суда. По состоянию на конец года судебные разбирательства продолжались.

По сообщениям СМИ 26 ноября 2013 года Свердловский районный суд г. Бишкека вынес первый обвинительный приговор за применение пыток по статье 305-1 Уголовного кодекса. Сотрудник полиции Адилет Мотуев был приговорен к шести годам лишения свободы. Суд установил, что он обвинил мужчину в краже мобильного телефона, после чего незаконно доставил его в полицейский участок. Чтобы заставить этого мужчину признаться в краже, Адилет Мотуев угрожал ему, сильно затягивал наручники и душил его, надевая на голову пластиковый пакет. Тем не менее, в 2014 году суд второй инстанции признал Адилета Мотуева невиновным по всем обвинениям в применении пыток и изменил приговор на два года лишения свободы за несанкционированное ведение расследования.

Власти не предприняли никаких мер для проведения справедливого и эффективного расследования случаев насилия во время беспорядков в июне 2010 года и их последствий в городах Ош и Джалал-Абад. Продолжались преследования адвокатов тех узбеков, которых задержали в связи с беспорядками, адвокатам угрожали, на них совершались нападения даже в зале суда, но виновные так и не были привлечены к ответственности».

39. Глава о Кыргызстане «Всемирного доклада 2015 г.» организации «Хьюман Райтс Вотч» содержит следующую информацию, соответствующую делу:

«После вспышки межэтнического насилия в июне 2010 г. несовершенство судопроизводства в Кыргызстане приводит к вынесению приговоров о длительном тюремном заключении, преимущественно в отношении этнических узбеков, которые выносятся на фоне заявлений о применении пыток с целью принуждения к признанию и других процессуальных нарушений. Еще семь дел о преступлениях, совершенных во время июньских событий, находятся в производстве; один из фигурантов был задержан в июле 2014 г. Все обвиняемые - этнические узбеки, что в очередной раз вызывает вопросы относительно непредвзятости судопроизводства.

В 2014 г продолжались безнаказанные физические и словесные нападки в зале суда, подрывавшие право подсудимых на справедливое судебное разбирательство. После январского заседания суда по делу этнического узбека Махамата Бизурукова, обвиняемого в преступлениях, связанных с межэтническим насилием 2010 г., посольство США в отдельном заявлении выразило глубокую обеспокоенность.

...

Правительство не отрицает того, что пытки являются проблемой в Кыргызстане, однако их безнаказанность остается нормой. Уголовные дела по заявлениям о незаконном обращении или пытках возбуждаются редко, а следствие и суд затягиваются или проводятся неэффективно.

Комитет ООН по правам ребенка в своем июньском заключении выразил обеспокоенность «широким распространением пыток и жестокого обращения по отношению к детям» в местах содержания под стражей и в закрытых учреждениях и призвал обеспечить оперативное и эффективное независимое расследование по таким фактам. Согласно статистическим данным, предоставленным Генеральной прокуратурой местной группе по борьбе с пытками «Голос свободы», в первой половине 2014 г. власти отказали в возбуждении уголовного дела по 100 из 109 зарегистрированных заявлений о пытках.

Наблюдатели Национального центра по предупреждению пыток иногда сталкивались с проблемами доступа в места задержания. После одного из таких инцидентов в марте центром была подана жалоба на действия начальника изолятора временного содержания Иссык-Кульской области, отказавшего наблюдателям в доступе».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ВЫСЫЛКОЙ ЗАЯВИТЕЛЯ В КЫРГЫЗСТАН

40. Заявитель жалуется на то, что, будучи этническим узбеком, он столкнется с серьезным риском жестокого обращения, если будет выслан в Кыргызстан. В своей жалобе он ссылается на Статью 3 Конвенции. В своих замечаниях касательно допустимости и существования жалобы от 28 августа 2015 г. заявитель изначально представляет жалобу на основании Статьи 13 Конвенции. Поскольку квалификацию обстоятельств дела по закону определяет Суд (см. дело «Маргаретич против Хорватии» (*Margaretić v. Croatia*), № 16115/13, пункт 75, 5 июня 2014 г.), Суд считает, что основания для жалобы заявителя должны рассматриваться исключительно в соответствии со Статьей 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

1. Правительство

41. Правительство оспаривает доводы заявителя. Оно утверждает, что решение о выдворении заявителя из России было принято национальными судами в полном соответствии с пунктом 3 Статьи 18.8 КоАП, и что административная санкция соразмерна совершенному административному правонарушению.

42. Национальные суды не установили каких-либо обстоятельств, исключающих возможность применения соответствующей санкции к заявителю. Заявителю были разъяснены его процессуальные права; он признал свою вину в районном суде, при этом ничего не упоминая о риске жестокого обращения в Кыргызстане. Апелляционный суд рассмотрел доводы о риске жестокого обращения, приведенные в апелляционном заявлении, и установил, что представленные материалы не доказывают нарушения каких-либо прав заявителя; кроме того, в задачи судьи не входила оценка действий органов правопорядка другой страны. Апелляционный суд запросил информацию у ФМС Москвы касательно ходатайства заявителя о предоставлении статуса беженца и был уведомлен о его решении от 12 марта 2015 года.

43. Заявитель участвовал в судебных разбирательствах в двух инстанциях и имел достаточно возможностей представить жалобы на основании Статей 3 и 5 Конвенции, на которые он ссылается.

44. Заявитель не подавал жалобы на решения национальных судов согласно Статьям 30.9-12 КоАП РФ.

45. Правительство также представило следующие аргументы в подтверждение того, что механизмы защиты прав человека в Кыргызстане улучшаются: Кыргызстан является стороной Конвенции ООН против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания и Факультативного протокола к ней; Конституция Кыргызстана гарантирует справедливый суд и запрещает смертную казнь, пытки, а также бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; Уголовный кодекс Кыргызстана предусматривает уголовную ответственность за пытки и основывается на принципах законности и равенства перед законом; представитель Кыргызстана является заместителем председателя Совета по правам человека ООН и докладчиком в его бюро; с июня 2010 года в стране произошли положительные изменения, включая принятие новой Конституции, парламентские и президентские выборы, организацию расследования беспорядков в г. Джалал-Абаде национальными и международными комиссиями, реформу законодательства для приведения его в соответствие со стандартами ООН, а 7 июня 2012 года был принят закон с целью создания национального центра по борьбе с пытками. Правительство полагает, что ситуация с правами человека в Кыргызстане в целом не требовала полного запрета экстрадиции в эту страну от стран-членов Совета Европы.

46. Правительство также заявляет, что с учетом того, что власти Кыргызстана не требовали экстрадиции заявителя, не было оснований полагать, что заявитель подвергнется аресту и судебному преследованию в случае возвращения в страну происхождения.

2. Заявитель

47. Заявитель акцентирует внимание на том, что национальные власти не изучили надлежащим образом его заявления касательно риска жестокого обращения в Кыргызстане. Он отмечает, что Кодекс об административных правонарушениях не обязывает оценивать риск жестокого обращения в ходе рассмотрения вопроса о высылке. Апелляционный суд отказался обстоятельно изучить утверждения, приведенные в апелляционном заявлении, сославшись на территориальную юрисдикцию; таким образом, серьезные жалобы заявителя на риск запрещенного обращения остались без внимания. Не рассматривались эти заявления и в ходе процедуры по рассмотрению ходатайства о предоставлении статуса беженца.

48. С учетом того, что контрольный пересмотр, предусмотренный Статьями 30.12-14 КоАП, не имеет приостанавливающего действия, он не может считаться эффективным исчерпывающим средством правовой защиты.

49. Заявитель, являющийся этническим узбеком, обвиненный властями Кыргызстана *заочно* в связи с беспорядками в г. Джалал-Абаде, относится к уязвимой группе даже при отсутствии официального требования об экстрадиции. Тот факт, что Кыргызстан ратифицировал международные договоры о защите прав человека, не исключает возможности того, что заявитель

как представитель уязвимой группы столкнется с серьезным риском жестокого обращения в случае возвращения в страну происхождения, поскольку существует административная практика жестокого обращения с этническими узбеками, как сообщается, например, в отчетах «Эмнести Интернэшнл» и в Универсальном периодическом обзоре ООН.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

50. Суд отмечает, что Правительство вкратце заявило о том, что заявитель не подавал каких-либо жалоб согласно Статьям 30.9-12 КоАП (см. выше пункт 44). Тем не менее, в связи с отсутствием подробных разъяснений по данному вопросу Суд не готов рассматривать замечание Правительства как аргумент о том, что не были исчерпаны эффективные внутренние средства правовой защиты, который потребовал бы оценки Суда.

51. Суд также отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по определению пункта 3(а) Статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой на любых других основаниях. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

52. Суд рассмотрит по существу эту часть жалобы заявителя в соответствии со Статьей 3 Конвенции с учетом применимых общих принципов, которые изложены, среди прочего, в постановлении по делу «Умиров против России» (*Umirov v. Russia*) (жалоба № 17455/11, пункты 92-100, 18 сентября 2012 г., с последующими ссылками).

(b) Применение общих принципов к настоящему делу

53. Суд отмечает, что российские власти отдали распоряжение о высылке заявителя с территории Российской Федерации. Несмотря на то, что страна назначения не была определена в решениях судов о высылке, учитывая, что заявитель имеет гражданство Кыргызстана, разумно предположить, что в случае выдворения с территории России он оказался бы в Кыргызстане.

54. Распоряжение о высылке не было приведено в исполнение, так как Суд указал на необходимость принятия обеспечительных мер в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда. Суд, таким образом, оценит, имеется ли для заявителя риск подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 Конвенции, в случае его выдворения из России в Кыргызстан; оценка данного риска должна производиться на дату рассмотрения дела Судом с учетом оценки, произведенной внутригосударственными судами (см. дело «Гайратбек Салиев против России» (*Gayratbek Saliyev v. Russia*), № 39093/13, пункт 60, 17 апреля 2014 г.).

55. Учитывая общую ситуацию с правами человека в предполагаемой принимающей стране, Суд отмечает следующее. В деле Махмуджана Эргашева (упомянутом выше, пункт 72) относительно экстрадиции в Кыргызстан Суд отметил, что в 2012 году ситуация на юге страны характеризовалась наличием случаев насилия, пыток и иных форм жестокого обращения по отношению к этническим узбекам со стороны сотрудников правоохранительных органов. Эти случаи участились после событий в июне 2010 года и оставались распространенными и неконтролируемыми в условиях безнаказанности участвующих в них сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, Суд установил, что вопрос следует рассматривать в контексте подъема этнического национализма в политике Кыргызстана, особенно на юге, а также растущей межэтнической напряженности в отношениях между киргизами и узбеками, продолжающейся дискриминационной практики, с которой сталкиваются узбеки на институциональном уровне, и недостаточным представительством узбеков, в частности, в правоохранительных и судебных органах. В последующих делах Суд отметил, что в 2012-

2013 годах ситуация на юге Кыргызстана не улучшилась. В частности, в своих докладах различные организаций едины во мнении относительно предвзятого отношении на почве этнической принадлежности в расследовании, преследовании, осуждении и наказании в отношении этнических узбеков, обвиненных и осужденных в связи с событиями в Джалал-Абадской области, а также отсутствие полных и эффективных расследований по многочисленным заявлениям о пытках и жестоком обращении со стороны сотрудников киргизских правоохранительных органов, произвольных задержаниях и чрезмерном применении силы против узбеков, предположительно причастных к событиям в июня 2010 года (см. упомянутое выше дело Гайратбека Салиева, параграф 61; упомянутое выше дело Кадиржанова и Мамашева, параграф 91; а также дело «Хамракулов против России» (*Khamrakulov v. Russia*), № 68894/13, параграф 65, 16 апреля 2015 г.). Суд отмечает, что из докладов вышеупомянутых авторитетных неправительственных организаций следует, что в 2014-2015 годах в Кыргызстане каких-либо значительных улучшений в области прав человека достигнуто не было. (см. выше пункты 38-39). Соответственно, Суд приходит к выводу, что в настоящее время общая ситуация с правами человека в этой стране остается крайне проблематичной (см. вышеупомянутое решение по делу Гайратбека Салиева, пункт 61).

56. Суд далее рассмотрит вопрос о наличии индивидуальных обстоятельств, подкрепляющих опасения заявителя по поводу жестокого обращения (см. дело «Маматкулов и Аскарлов против Турции [GC]» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*), №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 73, Европейский суд по правам человека, 2005-I). Суд напоминает в этом отношении, что, если заявитель утверждает о своей принадлежности к группе, которая систематически подвергается жестокому обращению, защита Статьи 3 Конвенции действует, если заявитель докажет, при необходимости - на основании информации, содержащейся в последних докладах независимых международных правозащитных органов или неправительственных организаций, что имеются серьезные основания верить в существование подобной практики, а также свою принадлежность к указанной группе. При таких обстоятельствах Суд не будет затем требовать, чтобы заявитель дополнительно доказал существование особых характерных деталей (см. дело «Саади против Италии [GC]» (*Saadi v. Italy*), № 37201/06, пункт 132, ЕСПЧ 2008, дело «N.A. против Соединенного Королевства» (*NA. v. the United Kingdom*), № 25904/07, пункт 116, 17 июля 2008 г.). Суд полагает, что данная аргументация имеет особое значение в настоящем деле, в котором заявитель, этнический узбек, обвиняется в ряде тяжких преступлений, предположительно совершенных в ходе столкновений в июне 2010 года (см. вышеупомянутое решение по делу Кадиржанова и Мамашева, пункт 92). Ввиду широкого применения киргизскими властями пыток и жестокого обращения в целях получения признаний от этнических узбеков, обвиняемых в причастности к межэтническим столкновениям в Джалал-Абадской области, о котором сообщали органы ООН и авторитетные неправительственные организации (см. выше пункты 37-39), Суд признает, что заявитель относится к особо уязвимой группе, члены которой регулярно подвергаются в Кыргызстане обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции.

57. Суд также отмечает, что вышеупомянутые обстоятельства доводились до сведения российских властей в ходе двух разбирательств: в ходе рассмотрения вопроса об административном выдворении и в ходе рассмотрения ходатайства заявителя о предоставлении статуса беженца (см. выше пункты 13 и 18).

58. Суд не располагает достаточной информацией касательно рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца. Ясно, что ходатайство заявителя о предоставлении статуса беженца было отклонено ФМС Москвы как недопустимое, и что жалоба заявителя на это решение в настоящее время рассматривается в национальном суде. Тем не менее, поскольку стороны не предоставили копию решения от 12 марта 2015 года (см. выше пункт 19), Суд не может оценить его содержание и доводы.

59. Что касается процедуры административного выдворения, Суд принимает во внимание общую аргументацию апелляционного суда при отклонении доводов заявителя о риске жестокого обращения, в частности, Суд считает, что документы, предоставленные заявителем, не

доказывают «нарушение прав и свобод соответствующего лица» (см. выше пункт 16). Суд вновь напоминает в связи с этим, что требование к заявителю предоставить «бесспорные» доказательства риска жестокого обращения в другой стране было бы равносильно требованию доказать существование будущего события, что является невозможным, и возложило бы на него явно несоразмерное бремя. Любое подобное утверждение всегда связано с вероятностью, чем-то, что может или не может произойти в будущем. Следовательно, подобные утверждения не могут быть доказаны таким же способом, как и события прошлого. От заявителя следует требовать только то, чтобы он указал, со ссылкой на конкретные факты, относящиеся к его конкретной ситуации и к группе людей, к которой он принадлежит, что существует высокая вероятность того, что он будет подвергнут жестокому обращению (см. дело «Рахимов против России» (*Rakhimov v. Russia*), № 50552/13, пункт 93, 10 июля 2014 г., с последующими ссылками). При таких обстоятельствах Суд не уверен в том, что вопрос опасности жестокого обращения подвергся тщательному изучению в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о признании беженцем или при рассмотрении вопроса о высылке (см. дело «Абдулхаков против России» (*Abdulkhakov v. Russia*), № 14743/11, пункт 148, 2 октября 2012 г., а также упомянутое выше дело Кадиржанова и Мамашева, пункт 94).

60. Суд принимает к сведению аргументы Правительства касательно последних улучшений в Кыргызстане в области прав человека (см. выше пункт 45). Тем не менее, Суд не может согласиться с предположением о том, что упомянутые улучшения, такие как ратификация международных договоров о защите прав человека или парламентские и президентские выборы, несмотря на их позитивную роль, являются достаточным фактором для существенного улучшения ситуации с правами человека в стране.

61. Суд также не находит убедительным аргумент Правительства о том, что при отсутствии требования об экстрадиции нет оснований полагать, что заявитель столкнулся бы с обвинениями в совершении преступлений в Кыргызстане (см. выше пункт 46). В данном деле нет доказательств, которые позволили бы Суду сделать вывод о том, что обвинения, выдвинутые в отношении заявителя в связи с его предполагаемым участием в беспорядках в Джалал-Абаде (см. выше пункт 10), были сняты или погашены в связи с истечением срока давности. Соответственно, высока вероятность того, что по прибытию в Кыргызстан заявитель был бы арестован и обвинен на основании распоряжения от 26 июня 2012 г.

62. Учитывая достоверную информацию о широко распространенном и регулярном применении пыток и иных форм жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекской общины, к которой принадлежит заявитель, а также безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточных гарантий для заявителя в запрашивающей стране, Суд считает обоснованным, что в случае его возвращения в Кыргызстан заявитель подвергся бы реальному риску обращения, запрещенного Статьей 3 Конвенции.

63. Соответственно, Суд приходит к выводу, что принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан, в форме выдворения или в любой другой форме, привело бы к нарушению Статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ

64. Заявитель жаловался на то, что 24 февраля 2015 года он был избит сотрудниками полиции в изоляторе временного содержания для иностранных граждан, и что серьезного расследования по факту этого инцидента внутригосударственные органы не провели. Он ссылаясь на Статью 3 Конвенции.

А. Доводы сторон

1. Правительство

65. Правительство оспаривало этот довод. Оно заявляло, что согласно информации, предоставленной администрацией изолятора временного содержания для иностранных граждан, заявитель не жаловался на предполагаемое жестокое обращение или состояние его здоровья, и что он не подвергался медицинскому осмотру с февраля 2015 года. На территории изолятора временного содержания не камеры видеонаблюдения установлены не были.

66. В изоляторе временного содержания для иностранных граждан имеется только дежурная охрана, к которой привлечены гражданские лица для обеспечения порядка на территории. Каких-либо сведений об участии полиции в работе такой дежурной охраны 24 февраля 2015 года не имеется.

67. Были приняты меры для расследования предполагаемых избиений заявителя.

2. Заявитель

68. Заявитель с самого начала акцентировал внимание на том, что Правительство не предоставило все материалы расследования в связи с предполагаемым жестоким обращением, запрошенные Судом.

69. В подтверждение своих утверждений заявитель представил две фотографии, на одной он запечатлен сидящим в полосатой футболке, а на другой фотографии запечатлена его спина, при этом футболка поднята, открывая большие багрово-красные гематомы в форме длинных полос.

70. Заявитель указал на то, что расследование изначально проводилось неправильно, поскольку власти не опросили его и не провели медицинский осмотр после предполагаемых избиений. Кроме того, заявитель не был уведомлен о том, какая организация отвечала за расследование, и не получил информации о ходе расследования.

71. Заявитель утверждал, что он был в уязвимом положении, находясь в изоляторе временного содержания для иностранных граждан, и что администрация учреждения могла проигнорировать его жалобы на здоровье.

72. И наконец, заявитель попросил Суд переложить бремя доказывательства на Правительство как ответчика, и при отсутствии удовлетворительного и убедительного объяснения происхождения его травм, полученных во время пребывания под стражей, установить нарушение Статьи 3 Конвенции с учетом материально-правовых и процессуальных аспектов.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

73. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по определению подпункта (а) пункта 3 Статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Материально-правовой аспект Статьи 3 Конвенции

74. Суд еще раз подчеркивает, что Статья 3 Конвенции закрепляет одну из основных ценностей демократического общества. Несомненно, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания является ценностью цивилизации, тесно связанной с уважением к человеческому достоинству. В отличие от большинства материальных статей Конвенции, Статья 3 не предусматривает исключений, и отступления от нее в соответствии

с пунктом 2 Статьи 15 Конвенции, даже в случае всеобщего бедствия, угрожающего существованию нации. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция безоговорочно запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, независимо от поведения соответствующего лица (см. дело «Буид против Бельгии [GC]» (*Bouyid v. Belgium*), № 23380/09, пункт 81, 28 сентября 2015 г., с последующими ссылками).

75. Учитывая обстоятельства настоящего дела, Суд отмечает, что между сторонами имеется спор о том, действительно ли травмы получены заявителем в результате действий сотрудников из специального отряда полиции во время его пребывания в изоляторе временного содержания для иностранных граждан. Суд полагает, что в связи с этим возникает вопрос касательно бремени доказательства и, в частности, вопрос о том, следует ли переложить бремя доказательства с заявителя на Правительство (см. дело «Эль-Масри против бывшей Югославской республики Македония [GC]» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), № 39630/09, пункт 154, ЕСПЧ 2012).

76. В связи с этим Суд вновь напоминает, что заявления о жестоком обращении должны подтверждаться надлежащими доказательствами. Оценивая доказательства, Суд в целом применил стандарт доказательства «вне разумного сомнения» (см. дело «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), 18 января 1978 г., пункт 161, Серия А, № 25). Такое доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровержимых презумпций фактов. В тех случаях, когда рассматриваемые события полностью или частично находятся исключительно в сфере осведомленности властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных во время такого содержания под стражей. Таким образом, бремя доказательства ложится на Правительство, которое должно представить удовлетворительное и убедительное объяснение, предъявив доказательства, устанавливающие факты, которые могут вызывать сомнения в связи с событиями, упоминаемыми потерпевшим (см. дело «Салман против Турции [GC]» (*Salman v. Turkey*), № 21986/93, пункт 100, ЕСПЧ 2000-VII). При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Правительства (см., среди прочих авторитетных источников, вышеупомянутое дело Эль-Масри, пункт 152). Основанием для этого служит тот факт, что лица под стражей находятся в уязвимом положении, и власти обязаны защищать их (см. вышеупомянутое дело Буида, пункт 83).

77. Суд осознает субсидиарный характер своих функций и учитывает необходимость проявлять осторожность при принятии на себя роли суда первой инстанции, устанавливающего факты, когда это не представляется неизбежным с учетом обстоятельств конкретного дела (см. «МакКерр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. the United Kingdom*) (решение), № 28883/95, 4 апреля 2000 г.). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения в нарушении Статьи 3 Конвенции, Суд должен в высшей степени тщательно анализировать дело (см. «Георгий Быков против России» (*Georgiy Bykov v. Russia*), № 24271/03, пункт 51, 14 октября 2010 г.). Таким образом, при отсутствии каких-либо заключений национальных следственных органов касательно предполагаемого запрещенного обращения, обязанность по установлению основных фактов рассматриваемого дела переходит к Суду.

78. Рассматривая обстоятельства данного дела, Суд отмечает, что в его распоряжении нет медицинского заключения, подтверждающего факт получения заявителем каких-либо травм 24 февраля 2015 г. Тем не менее, Суд признает, что получение доказательств жестокого обращения со стороны надзирателей лицами, содержащимися под стражей, может быть затруднено (см., с учетом необходимых изменений, дело «Лабита против Италии [GC]» (*Labita v. Italy*), № 26772/95, пункт 125, ЕСПЧ 2000-IV). Принимая во внимание, что адвокаты заявителя уведомили следственные органы об отказах медицинского персонала изолятора временного содержания для иностранных граждан должным образом зафиксировать факт получения травм, о которых сообщили заключенные (см. выше пункт 24), Суд считает правдоподобным, что заявитель

испытывал трудности с получением медицинского заключения, подтверждающего получение травм. Учитывая, что сообщение заявителя о предполагаемом жестоком обращении остается подробным, конкретным и последовательным, Суд готов принять фотографии, предоставленные заявителем (см. выше пункт 69), как «надлежащее доказательство» его утверждений об избиениях во время нахождения в изоляторе временного содержания для иностранцев. В связи с вышеизложенным, Суд приходит к выводу, что имеется достаточное, при отсутствии опровержения, доказательство, подтверждающее изложенную заявителем версию событий, и что бремя доказательства, соответственно, следует переложить на Правительство.

79. Тем не менее, Правительство не предоставило комментариев касательно фотографий, представленных заявителем. Также оно не отрицало, что заявитель получил травмы во время нахождения в изоляторе временного содержания для иностранцев. Вместо этого, Правительство утверждало, что заявитель не обращался за медицинской помощью (см. выше пункт 65). Тем не менее, остается неясным, почему заявитель не был осмотрен медицинским специалистом после его обращения с жалобой (26 февраля 2015 г.) на жестокое обращение (см. выше пункт 24).

80. При отсутствии любой правдоподобной версии событий, выдвинутой Правительством, Суд считает, что он может сделать выводы на основании имеющихся в распоряжении материалов, а также на основании поведения властей, и приходит к выводу о том, что утверждения заявителя являются достаточно убедительными и соответствуют обязательному стандарту доказательства (см. вышеупомянутое дело Эль-Масри, пункт 167).

81. Далее Суд приступает к рассмотрению утверждения Правительства о том, что в изоляторе временного содержания для иностранцев работают только гражданские лица для поддержания порядка на его территории (см. выше пункт 66). При условии, что сотрудники полиции или представители другого правоохранительного органа не присутствовали в изоляторе временного содержания 24 февраля 2015 г., Суд не может принять предлагаемое предположение, что выступающее в качестве ответчика государство не несет ответственности за действия неких гражданских лиц. В сущности, невозможно представить, что в демократическом государстве лицам, не имеющим отношения к какому-либо государственному органу, позволено было свободно и безо всякого контроля работать в учреждении, предназначенном для содержания в нем лиц, лишенных свободы, а а значит - находящихся под контролем государства. Следовательно, соответствующее государство несет ответственность за их действия, поскольку иное явно противоречило бы самой идее правопорядка. Исходя из этого, Суд считает, что, независимо от того, имели ли лица, которые, согласно утверждениям заявителя, нанесли ему побои, формальное отношение к любому государственному органу, ответственность за их действия несет государство-ответчик.

82. Соответственно, Суд устанавливает, что 24 февраля 2015 г. заявителю были нанесены побои представителями государства во время его пребывания в изоляторе временного содержания для иностранцев.

83. Следовательно, имело место нарушение Статьи 3 Конвенции с учетом ее материально-правового аспекта.

(b) Процессуальный аспект Статьи 3 Конвенции

84. Европейский суд еще раз подчеркивает, что если лицо делает заслуживающее доверия заявление о том, что подверглось обращению, нарушающему Статью 3 Конвенции, со стороны полиции или других представителей государства, то это положение, взятое в совокупности с предусмотренной в Статье 1 Конвенции общей обязанностью государства «обеспечивать каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в [...] Конвенции», подразумевает необходимость проведения эффективного официального расследования (см. вышеупомянутое дело «Лабита против Италии», пункт 131).

85. Обязанность провести расследование является не обязанностью получить результат, а обязанностью приложить все усилия: не каждое расследование обязательно должно приводить к

заклучению, совпадающему с изложением событий заявителем. Тем не менее, оно по сути должно привести к установлению обстоятельств дела и, если утверждения оказались верными, к установлению и наказанию виновных лиц (см. дело «Михеев против России» (*Mikheyev v. Russia*), № 77617/01, пункт 107, 26 января 2006 г.).

86. Расследование заявлений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти должны предпринять серьезную попытку установить, что произошло, не используя поспешные или необоснованные выводы с целью прекращения расследования или в качестве обоснования своих решений (см. дело «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), 28 октября 1998 г., пункты 103 и далее, «Сборник судебных решений и определений», 1998-VIII). Они должны принять все возможные, доступные им меры для обеспечения доказательств относительно инцидента, включая, в частности, свидетельские показания и данные судебной экспертизы. Отсутствие каких-либо материалов в расследовании, которое препятствует выяснению причин полученных травм или установлению личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта (см. дело вышеупомянутое дело «Михеев против России», пункт 108).

87. Суд подчеркивает, что Правительство не предоставило какой-либо информации относительно того, было ли инициировано уголовное расследование в связи с предполагаемым жестоким обращением с заявителем. Вместо этого Правительство заявило, что были приняты некие меры для расследования предполагаемого избиения заявителя (см. выше пункт 67). Правительство не предоставило никаких разъяснений касательно характера или правовой основы таких мер. Заявитель, в свою очередь, заявил, что он не получил никакой информации о ходе расследования. Что еще более удивительно - он заявил, что его ни разу не опросили и не провели медицинский осмотр в каком-либо национальном органе в связи с предполагаемым жестоким обращением (см. выше пункт 70).

88. Несмотря на то, что Правительство не представило информацию о мерах, предположительно принятых с целью расследования избиений заявителя в то время, когда он находился под стражей у представителей государства, это не лишает Суд возможности оценить выполнение требований Статьи 3 Конвенции с точки зрения ее процессуального аспекта.

89. Суд ранее установил, что в условиях российской правовой системы одна только «доследственная проверка» не может привести к наказанию виновных, поскольку возбуждение и расследование уголовного дела являются необходимыми условиями для предъявления обвинения предполагаемым нарушителям, которые затем могут быть преданы суду. Суд приходит к строгим выводам на основании самого того факта, что следственные органы отказались возбудить уголовное дело в связи с заслуживающими доверия заявлениями о серьезном случае жестокого обращения во время содержания под стражей, рассматривая этот факт как признак несоблюдения государством предусмотренных Статьей 3 обязанностей провести эффективное расследование (см. дело «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), № 46956/09, пункты 135-36, 24 июля 2014 г.).

90. Из этого следует, что при отсутствии полноценного уголовного расследования в связи с заслуживающими доверия заявлениями о жестоком обращении, Суд не видит необходимости в подробном рассмотрении мер, принятых на национальном уровне с целью выявления определенных недочетов и упущений со стороны следственных органов (см., с учетом необходимых изменений, дело «Зеленин против России» (*Zelenin v. Russia*), № 21120/07, пункт 59, 15 января 2015 г.).

91. Соответственно, Суд считает, что отказ в возбуждении уголовного дела в связи с убедительным сообщением заявителя о жестоком обращении к нему в изоляторе временного содержания для иностранцев представляет собой нарушение обязанности проведения эффективного расследования в соответствии с требованиями Статьи 3 Конвенции.

92. Вышеизложенные доводы являются достаточными для Суда, чтобы прийти к выводу о том, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в ее процессуальной части.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

93. Заявитель жаловался на то, что его заключение в изолятор временного содержания для иностранцев было произвольным, поскольку длительность такого содержания невозможно было предвидеть, и на то, что не было возможности добиться рассмотрения судом правомерности его задержания. Он ссылаясь на подпункт (f) пункта 1 и пункт 4 Статьи 5 Конвенции, в которых применительно к данному делу изложено следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

94. Правительство воздержалось от представления каких-либо доводов касательно допустимости и существования этой части жалобы, просто заявив, что нарушений подпункта (f) пункта 1 и пункта 4 Статьи 5 Конвенции не было.

95. Заявитель утверждал, что его заключение и содержание под стражей с 28 января 2015 г. было произвольным и, соответственно, незаконным с самого начала. В любом случае оно перестало быть законным с момента приостановления процедуры высылки. КоАП не устанавливает каких-либо определенных сроков содержания под стражей для лиц, ожидающих административного выдворения; национальные суды не указали каких-либо определённых сроков в своих решениях; соответственно, заявитель не мог предвидеть длительность своего содержания под стражей. Отмечая, что срок его содержания под стражей значительно превысил максимально допустимый срок наказания в форме лишения свободы, предусмотренный КоАП, и ссылаясь на дело «Азимов против России» (*Azimov v. Russia*) (№ 67474/11, пункты 172-73, 18 апреля 2013 г.), заявитель утверждал, что его содержание под стражей в ожидании высылки имело скорее карательный, нежели превентивный характер. Заявитель также отметил, что апелляционный суд не анализировал его утверждение о нарушении его права на свободу. Наконец, заявитель повторил, что он не имел возможности инициировать рассмотрение судом правомерности его длительного содержания под стражей, как того требует пункт 4 Статьи 5 Конвенции.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

96. Суд отмечает, что рассматриваемая часть жалобы не является явно необоснованной в значении подпункта (а) пункта 3 Статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

97. Сначала Суд рассмотрит вопрос о том, существовала ли возможность эффективного контроля за правомерным или произвольным содержанием под стражей, затем вопрос о том,

соответствовало ли содержание заявителя под стражей требованиям подпункта (f) пункта 1 Статьи 5 Конвенции (см. дело «Ким против России» (*Kim v. Russia*), № 44260/13, пункт 38, 17 июля 2014 г., с последующими ссылками).

(а) Соблюдение требований пункта 4 Статьи 5 Конвенции

98. Суд напоминает, что цель пункта 4 Статьи 5 Конвенции состоит в том, чтобы гарантировать лицам, которые были арестованы или заключены под стражу, право на судебный контроль правомерности примененной к ним меры. В период содержания лица под стражей ему должен быть обеспечен доступ к средству правовой защиты для безотлагательного рассмотрение судом вопроса о правомерности содержания под стражей, причем такое рассмотрение может повлечь, при наличии соответствующих оснований, освобождение лица. Существование средства правовой защиты, предусмотренного пунктом 4 Статьи 5 Конвенции, должно быть достаточно определенным не только теоретически, но и на практике, так как в противном случае оно не будет обладать доступностью и эффективностью, которых от него требует определение данного положения (см. вышеупомянутое дело Азимова, пункт 150, с последующими ссылками).

99. Суд уже установил нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции в ряде решений, касающихся России, в связи с отсутствием какой-либо национальной правовой нормы, которая позволила бы заявителю инициировать рассмотрение судом его содержания под стражей в ожидании высылки (см. вышеупомянутое дело Азимова, пункт 153; вышеупомянутое дело Ким, пункты 39-43; вышеупомянутое дело Рахимова, пункты 148-50; «Эшонкулов против России» (*Eshonkulov v. Russia*), № 68900/13, пункты 57-60, 15 января 2015 г.; а также «Л.М. и другие против России» (*L.M. and Others v. Russia*), №№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14, пункты 140-42, 15 октября 2015 г.). В постановлении по делу Ким Правительство признало нарушение пункта 4 Статьи 5, учитывая повторяющийся характер нарушения, Суд указал, что российским органам власти следует «обеспечить в своем внутригосударственном правовом порядке механизм, позволяющий физическим лицам инициировать судебные разбирательства для рассмотрения законности их содержания под стражей до высылки с учетом изменений, имевших место в ходе судебных разбирательств по вопросу о высылке» (см. решение по делу Ким, упомянутое выше, пункт 71).

100. Аналогичным образом, заявитель в настоящем деле не имел возможности в течение срока его содержания под стражей в ожидании высылки (административного выдворения) воспользоваться какой-либо процедурой для рассмотрения судом правомерности его задержания.

101. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции.

(а) Соблюдение требований пункта 1 Статьи 5 Конвенции

102. Прецедентная практика Суда в связи с пунктом 1 Статьи 5 Конвенции последовательно подтверждает, что любое лишение свободы должно не только подпадать под одно из исключений, предусмотренных подпунктами (a) - (f), но и должно быть «законным». Если возникает вопрос о «законности» содержания под стражей, включая вопрос о том, был ли соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция отсылает, по существу, к национальному законодательству и устанавливает обязанность соблюдения его материальных и процессуальных норм. Это, прежде всего, требует, чтобы любое заключение или содержание под стражей имело правовую основу в национальном законодательстве, а также касается качества закона, требуя его соответствия принципу верховенства права, воплощенному во всех статьях Конвенции. «Качество закона» подразумевает, что положения национального права в части лишения свободы, должны быть понятными, точно сформулированными и предсказуемыми с точки зрения применения во избежание риска произвольного правосудия. Стандарт «законности», установленный Конвенцией, требует точности в формулировке законов, что даёт возможность любому лицу - при необходимости с помощью соответствующей консультации - предвидеть, насколько это возможно в данной ситуации, последствия, которые может повлечь данное действие (см. дело

«Дель Рио Прада против Испании [GC]» (*Del Río Prada v. Spain*), № 42750/09, пункт 125, ЕСПЧ 2013 г., с последующими ссылками).

103. Приступая к рассмотрению обстоятельств дела, Суд констатирует, что заявитель был заключен под стражу 27 января 2015 г. в ожидании приведения в исполнение решения Районного суда о его высылке (административном выдворении) из России и содержится под стражей по сей день.

104. Суд указывает на то, что Правительство не применяет ни один из подпунктов пункта 1 Статьи 5 Конвенции в качестве основания для оправдания содержания заявителя под стражей (см. вышеприведенный пункт 94). Но при этом Суд отмечает, что в ряде дел против России, касающихся содержания под стражей иностранных граждан в ожидании их административного выдворения, такое выдворение представляло собой форму «высылки» в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 Статьи 5 Конвенции, и поэтому применяться должно именно это положение (см. вышеупомянутое дело Азимова, пункт 160; вышеупомянутое дело Ким, пункт 48; «Эгамбердиев против России» (*Egamberdiyev v. Russia*), № 34742/13, пункт 58, 26 июня 2014 г.; вышеупомянутое дело Рахимова, пункт 124; «Халиков против России» (*Khalikov v. Russia*), № 66373/13, пункт 69, 26 февраля 2015 г.).

105. Несмотря на очевидно сходство настоящего дела с вышеупомянутыми делами, по причине отсутствия комментариев Правительства касательно утверждений заявителя, Суд не считает целесообразным оценивать соответствие содержания заявителя под стражей в ожидании высылки стандартам, установленным подпунктом (f) пункта 1 Статьи 5 Конвенции. Поскольку суть жалобы заявителя состоит в том, что российское национальное законодательство, в частности Кодекс об административных правонарушениях, не содержит положений, которые регулировали бы длительность содержания под стражей в ожидании административного выдворения, и в том, что в результате такого пробела в законодательстве заявитель оказался в ситуации, в которой отсутствует правовая определенность (см. выше пункт 95), Суд ограничивает свой анализ установлением того, было ли заключение заявителя под стражу «законным» согласно пункту 1 Статьи 5 Конвенции.

106. Суд обращает внимание, что районный суд, отдавая распоряжение о заключении заявителя под стражу в ожидании высылки, не установил каких-либо определенных сроков задержания (см. выше пункт 12). Аналогичным образом, апелляционный суд оставил без внимания этот вопрос (см. выше пункт 16). Статья 27.19 КоАП о помещении лиц, ожидающих административного выдворения, в изолятор временного содержания для иностранцев, не оговаривает сроки их содержания под стражей (см. вышеприведенный пункт 32). Единственным доступным для заявителя ориентиром для предположения максимальной длительности его содержания под стражей мог быть пункт 1 Статьи 31.9 Кодекса об административных правонарушениях, согласно которому решение о высылке подлежит исполнению в течение двух лет с даты его вступления в силу (см. выше пункт 34). Это положение подразумевает, что по истечении двух лет лицо, содержащееся под стражей в ожидании исполнения решения об административном выдворении, должно быть освобождено. Это и может произойти в данном деле; тем не менее, возможные последствия, вытекающие для заявителя из пункта 1 статьи 31.9 КоАП, с точки зрения содержания его под стражей, будут зависеть от того, как будет истолковано данное положение; к тому же норма, ограничивающая продолжительность содержания незаконного иммигранта под стражей, законом четко не определена. Также неясно, что произойдет по истечении двухлетнего срока, так как с точки зрения иммиграционного законодательства заявитель, безусловно, останется нелегалом и вновь будет подлежать выдворению, а, следовательно - содержанию в специальном учреждении на этом основании (см. вышеупомянутое дело Азимова, пункт 171; «Акрам Каримов против России» (*Akram Karimov v. Russia*), № 62892/12, пункт 191, 28 мая 2014 г.; вышеупомянутое дело Эгамбердиева, пункт 92; а также вышеупомянутое дело Халикова, пункт 73).

107. Выводы Суда касательно отсутствия процедуры рассмотрения судом законности продолжающегося содержания заявителя под стражей (см. выше пункт 100) чрезвычайно важны

в связи с утверждениями об отсутствии правовой определенности в отношении содержания заявителя под стражей, поскольку из этого следует, что российская правовая система не предусматривает процедуру, которая позволила бы предотвратить риск произвольного содержания под стражей в ожидании высылки (см. вышеупомянутое дело Ким, пункт 53).

108. Суд принимает во внимание недавние изменения в национальном праве, введенные новым Кодексом об административных правонарушениях, вступившим в силу 15 сентября 2015 г. (см. выше пункт 35). Тем не менее, эти поправки до настоящего времени не оказали влияния на содержание заявителя под стражей. Соответственно, от Суда не требуется выполнять оценку этих изменений *как таковых*.

109. Соответственно, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела национальное законодательство, регулирующее содержание заявителя под стражей, не соответствует требованию «предсказуемости», подразумеваемому пунктом 1 Статьи 5 Конвенции.

110. Кроме того, Суд также отмечает, что в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях максимальный срок наказания за совершение административного правонарушения в виде лишения свободы составляет тридцать дней (см. вышеприведенный пункт 28), и что содержание под стражей с целью высылки не должно носить карательный характер и при этом должно сопровождаться предоставлением соответствующих гарантий, установленных Конституционным Судом Российской Федерации (см. вышеприведенный пункт 36). В настоящем деле «превентивная» мера была гораздо более суровой, чем «карательная», что не соответствует нормам (см. упомянутое выше дело Азимова, пункт 172; упомянутое выше дело Ким, пункт 55; упомянутое выше дело Акрама Каримова, пункт 192; а также вышеупомянутое дело Эгамбердиева, пункт 63).

111. С учетом вышеизложенных соображений, Суд приходит к выводу, что лишение свободы в данном деле не являлось «законным» по определению пункта 1 Статьи 5 Конвенции из-за отсутствия правовой основы необходимого качества для соблюдения общего принципа правовой определенности.

112. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 Статьи 5 Конвенции.

IV. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

113. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции настоящее решение станет окончательным, если (а) стороны заявят, что они не будут ходатайствовать о передаче дела в Большую Палату, или (б) по истечении трех месяцев с даты вынесения решения, в случае если не поступит обращение о передаче дела в Большую Палату, или (с) если Коллегия Большой Палаты отклонит любое ходатайство о передаче дела согласно Статье 43 Конвенции.

114. Он считает, что указание, данное Правительству согласно Правилу 39 Регламента Суда (см. выше пункт 4), должно оставаться в силе, пока настоящее решение не станет окончательным, или пока Суд не примет иное решение в этом отношении (см. резолютивную часть).

V. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

115. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

116. Заявитель утверждал, что он испытал страдания и чувство бессилия в связи с риском высылки в Кыргызстан и его незаконным содержанием под стражей и таким образом понес

моральный ущерб. Он попросил Суд установить надлежащий размер компенсации для присуждения.

117. Правительство считало, что в случае установления Судом какого-либо нарушения Конвенции в деле заявителя такое установление факта нарушения само по себе являлось бы достаточной справедливой компенсацией.

118. Суд констатирует, что в данном деле пока не имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в связи с высылкой заявителя. Тем не менее, он установил, что решение о высылке заявителя в случае его исполнения приведет к нарушению указанного положения. Суд считает, что его выводы относительно данной части жалобы сами по себе составляют надлежащую справедливую компенсацию, как того требует Статья 41. Тем не менее, учитывая вышеприведенные выводы о нарушении Статьи 3 Конвенции с точки зрения ее материально-правового и процессуального аспектов в связи с жестоким обращением с заявителем и пунктов 1 и 4 Статьи 5 Конвенции, Суд, осуществляя оценку на справедливой основе, присуждает выплатить заявителю 26 000 евро (EUR) в качестве компенсации морального ущерба, плюс сумму любого налога, который может быть начислен на эту сумму.

В. Расходы и издержки

119. Ссылаясь на детальные таблицы учета рабочего времени своего представителя, заявитель также потребовал 5 300 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных им в судах национального уровня и в Суде.

120. Правительство считало, что не было доказано, что расходы на представителя были действительно оплачены или понесены.

121. В соответствии с прецедентной практикой Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той мере, в какой доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были необходимыми и являлись целесообразными с точки зрения их размера.

122. Что касается судебных издержек, принимая во внимание наличие соответствующих документов и вышеуказанные критерии (см. дело «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*), № 55723/00, пункт 147, ЕСПЧ 2005-IV), Суд считает обоснованным выплатить заявителю сумму в 5 300 евро, плюс любой налог, который может взиматься с заявителя в связи с данной суммой, с выплатой на банковский счет его представителя.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

123. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что высылка или принудительное выдворение заявителя в Кыргызстан составит нарушение Статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что была нарушена Статья 3 Конвенции с точки зрения ее материально-правового аспекта в связи с жестоким обращением с заявителем;

4. *Постановляет*, что была нарушена Статья 3 Конвенции с точки зрения ее процессуального аспекта в связи с отсутствием эффективного расследования сообщений заявителя о жестоком обращении;
5. *Постановляет*, что было допущено нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции;
6. *Постановляет*, что было допущено нарушение пункта 1 Статьи 5 Конвенции;
7. *Решает* оставить в силе указание, данное им Правительству в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, о том, что в интересах надлежащего проведения разбирательства желательно не высылать или не выдворять иным образом заявителя из России в Кыргызстан или иную страну до тех пор, пока настоящее решение не станет окончательным или до последующего решения;
8. *Постановляет*,
 - (a) что в течение трех месяцев, начиная со дня, когда решение становится окончательным в соответствии с пунктом 2 Статьи 44 Конвенции, государство-ответчик обязано выплатить заявителю указанные ниже суммы с переводом в валюту государства-ответчика по курсу, применимому на день выплаты:
 - (i) 26 000 евро (двадцать шесть тысяч евро), плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве компенсации морального ущерба;
 - (ii) 5 300 евро (пять тысяч триста евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителя в связи с этой суммой, в качестве компенсации расходов и издержек;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода задержки выплаты, плюс три процента.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 26 января 2016 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стивен Филлипс
Секретарь

Луис Лопес Герра
Председатель